

Жить лишь тобой

Автор:

[Шэрон Кендрик](#)

Жить лишь тобой

Шэрон Кендрик

Любовный роман – Harlequin #1087

Тара Фицпатрик шесть лет работает экономкой в доме миллиардера Лукаса Конвея. Лукас ценит и уважает свою помощницу, однако совсем не видит в ней женщину... до тех пор, пока Тара не принимает решение уйти. Лукас приглашает девушку на деловое свидание, которое непредсказуемым образом заканчивается поцелуем. Наутро Лукас уезжает из Дублина, не зная, что единственная ночь страсти изменила его судьбу навсегда...

Шэрон Кендрик

Жить лишь тобой

Sharon Kendrick

THE ARGENTINIAN'S BABY OF SCANDAL

© 2019 by Sharon Kendrick

© «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Лукас Конвей оглядел стоящую напротив него блондинку и ничего к ней не почувствовал, хотя ее глаза покраснели, а щеки были залиты слезами.

У него на виске пульсировала венка.

– Кто тебя впустил? – холодно спросил он.

– Т-твоя домработница, – промямлила она, стараясь сдержать очередной всхлип. – Та, у которой всклокоченные волосы.

– Она не имела права никого впускать, – ответил Лукас, задаваясь вопросом, как эта актриса может так злобно отзываться о домработнице, которая, по сути, ей помогла. Но таковы женщины – их внешность обманчива. Они мило улыбаются, но в душе остаются мелочными и до смешного прагматичными. – Я сказал ей, что не хочу, чтобы меня беспокоили, – холодно продолжал он. – Никто. Прости, Шарлотта, но тебе придется уйти. Тебе вообще не следовало сюда приезжать.

Он встал, чувствуя нечто похожее на ярость, которая кипела в его душе несколько дней. Хотя, вероятно, ярость – неподходящее слово. Оно не совсем точно описывает состояние Лукаса в тот момент, когда его сердце сильно сжалось после получения письма на прошлой неделе. Он не испугался, глядя на письмо. На него нахлынули воспоминания о насилии и раздоре. Он не хотел об этом вспоминать. Но иногда мысли о прошлом возвращались...

Поджав губы, он вышел из-за стола, возвышаясь над белокурой красавицей, которая смотрела на него с мольбой.

– Пойдем со мной. Я провожу тебя.

– Лукас...

– Пожалуйста, Шарлотта, – сказал он, пытаясь говорить с сочувствием, хотя и безуспешно. Он сомневался, что способен на подобные эмоции. Разве его не обвиняли в том, что он не умеет проявлять какие-либо чувства к другому человеку? Он сдержал вздох. – Не надо ничего усложнять.

Она на секунду опустила опухшие веки и кивнула, а Лукас услышал аромат ее дорогих духов. Он вывел ее из своего огромного кабинета с видом на беспокойные воды Дублинского залива. Следуя за Лукасом к входной двери, Шарлотта сделала последнюю попытку.

– Лукас... – Ее голос дрожал. – Я должна сказать тебе об этом, потому что это важно, и ты должен это знать. Я соскучилась по тебе. Нам было хорошо вместе, и я... люблю тебя...

– Нет! – отрезал он, не давая ей возможности сильнее унизиться перед ним. – Ты меня не любишь. Ты не умеешь любить. Прости. Я тебе не пара. Сделай себе одолжение, Шарлотта, и найди кого-нибудь более подходящего. Того, кто будет заботиться о тебе так, как ты заслуживаешь.

Она открыла рот, словно приготовившись высказать последнее пожелание, но потом поняла, что это бесполезно, и, спотыкаясь, побрела в туфлях на шпильке к своей спортивной машине. Лукас стоял у двери и смотрел, как уезжает Шарлотта. Со стороны его поведение казалось вежливым, но на самом деле он просто хотел убедиться, что Шарлотта действительно покинула его владения на скоростном серебристом автомобиле.

Он взглянул на мрачное небо. Уже несколько дней стояла отвратительная погода, темные облака намекали на приближающийся шторм. Ему хотелось, чтобы разразилась буря, которая, вероятно, разрядит гнетущую атмосферу, от которой у него на лбу выступила испарина, а одежда словно прилипала к его телу. Он закрыл дверь. И почувствовал растущую досаду, думая о своей домработнице.

В порыве гнева Лукас спустился на первый этаж на кухню и увидел, что Тара Фицпатрик что-то энергично взбивает в медной миске. Она посмотрела на него, когда он вошел, и прядь густых рыжих волос упала ей на глаза. Она тут же с силой подула на упавшую прядь, продолжая готовку. Он не понимал, почему она не острижет свои волосы, ведь ее прическа сейчас напоминает птичье гнездо. И с какой стати она носит эту ужасную форму прислуги, пока работает по дому? Мешковатая одежда из дешевой синтетики – настоящая реликвия пятидесятих годов – полностью скрывала ее стройное тело.

– Значит, она уехала? – спросила Тара, глядя на него.

– Да, уехала. – Лукас почувствовал, как у него в душе снова вспыхивает ярость, и внезапно решил обрушить ее на Тару. – За каким чертом ты впустила ее?

Она перестала работать венчиком:

– Потому что она плакала.

– Конечно, она плакала. Шарлотта избалованная женщина, привыкшая поступать по-своему. Такие, как она, начинают плакать, когда не добиваются своего.

Тара открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но потом передумала, поэтому ее следующий комментарий прозвучал как ненавязчивое уточнение:

– Ты же с ней встречался, Лукас.

– Между нами все закончилось, – с угрозой ответил он. – Несколько месяцев назад.

Тара снова помолчала, видимо, стараясь быть дипломатичной. Лукас не в первый раз подумал о ней, как о ведьме с янтарными глазами, бледной кожей и копной ярко-рыжих волос. Кстати, ей не помешает пополнеть.

– Возможно, ты недостаточно ясно дал ей понять, что все кончено, – осторожно предположила она, положив венчик на край миски и встряхивая запястье так, словно его свело.

– Я был с ней предельно откровенным, – произнес он. – Я сказал ей обо всем лично, как можно любезнее. И предположил, что когда-нибудь мы сможем стать друзьями.

Тара причмокнула губами и покачала головой:

– И тут ты совершил ужасную ошибку.

– Ужасную ошибку? – проворчал он.

– Конечно. Дай женщине надежду, и она будет цепляться за нее, как шимпанзе за ветку, перелезая с дерева на дерево. Если бы ты не был таким красавчиком, – весело прибавила она, снова принимаясь взбивать яичные белки, – тогда твои бывшие не таскались бы за тобой, как потерявшиеся щенки за собакой.

Он услышал скрытую критику в словах своей домработницы, и напряжение, которое росло в его душе всю неделю, теперь вырвалось наружу.

– А может быть, если бы ты знала свое место и не вела себя как хозяйка в моем чертовом доме, ты бы вообще не впустила ее?! – выпалил он и быстро прошел по кухне, желая сделать себе кофе.

Тара перестала взбивать белки, когда после ледяного и осуждающего заявления ее босса на кухне послышался хруст измельчаемых кофейных зерен. К ее горлу подступил ком, потому что он никогда не говорил с ней в таком тоне. Он ведет себя так, словно она неприятная попутчица, которая доставляет больше хлопот, чем следует. Когда он посмотрел ей в глаза, она сглотнула от замешательства и обиды. Она наивно предполагала, что, поскольку она подает ему еду, гладит его рубашки и заботится о его саде, он не станет относиться к ней с пренебрежением, которого удостоивалось большинство его женщин. Она решила, что занимает особое место в его сердце. Но ведь ясно, что у Лукаса Конвея совсем нет сердца. Всю прошлую неделю он был в дурном настроении с тех пор, как из Соединенных Штатов пришло официальное письмо. Лукас долго пробыл у себя в кабинете и вышел оттуда с тревогой, которая затемняла его красивые зеленые глаза.

Тара провела деревянной ложкой по краю миски, а затем принялась взбивать смесь. Она твердила себе, что его высокомерие или плохое настроение не должны беспокоить ее. Наверное, именно так и ведут себя богачи вроде Лукаса Конвея, которого считают самым желанным любовником во всей Ирландии, если верить тому, что о нем говорят.

Тем не менее мало кто знал о живущем в Дублине миллиардере, как бы ни пытался это выяснить. Даже в Интернете о Лукасе немного информации – Тара знала это наверняка, потому что искала о нем сведения вскоре после того, как начала работать на него. Его акцент было трудно определить. Он определенно не ирландец и говорит на многих языках – французском, итальянском и испанском, а также на английском, но, в отличие от Тары, он не знает

гаэльского. Ходили слухи, что после приезда в Ирландию он работал портье в модном швейцарском отеле, а потом сколотил состояние, но Тара в это не верила. Такие, как Лукас Конвей, не могут работать портье! Поговаривали, что он родом из Южной Америки, если судить по его густым темным волосам и необычным зеленым глазам, которые резко контрастировали с его сияющей оливковой кожей. Скорее всего, это правда.

Она разглядывала его, пока готовился его любимый кофе. У него было больше подружек, чем у большинства мужчин. И женщины быстро ему надоедали. Поэтому он бросил почти идеальную Шарлотту, когда она – как и многие другие до нее – не приняла его нежелание жениться на ней. Но это не мешало ей посылать ему валентинки и ящик винтажного шампанского на день рождения.

– Я не люблю шампанское, – проворчал он тогда, угрюмо поглядывая на деревянный ящик, а Тара подумала, до чего он неблагодарный человек.

Однако его обожали не только красотки и супермодели, но и мужчины. А старушки чуть не падали в обморок, когда он подходил к ним. Тем не менее, несмотря на всеобщее обожание, Лукас Конвей всегда сторонился лести, которая его окружала. Он словно наблюдал за миром, как беспристрастный ученый.

До сих пор он относился к Таре с уважением. Так, словно она была ему небезразлична. Словно она не просто домработница, которая работает на его кухне. И вот он обвинил ее в том, что она забыла свое место.

Она облизнула внезапно пересохшие губы. Тара всю жизнь жила с чувством стыда, считала себя неудачницей из деревни. Она сторонилась односельчан, поэтому сбежала в город, как только смогла.

Она убеждала себя, что надо забыть о том, что сказал ей Лукас. Просто вежливо кивнуть, и тогда Лукас уйдет с кухни. Все забудется к тому моменту, когда она приготовит легкое сырное суфле на ужин. Но по непонятной причине успокоиться Тара не могла. Была ли это та странная атмосфера, которая царила в доме с тех пор, как Лукас получил письмо, и она слышала приглушенную ругань из его кабинета? Или это как-то связано со странной погодой, из-за которой воздух кажется тяжелым, как свинец? Ее сердце замерло. А может быть, причина в том, кого она увидела вчера идущей по Графтон-стрит?

Сердце Тары едва не выскочило из груди, когда она заметила из магазина Мону О'Салливан. В школе она всегда выделялась из всех учениц. Туфли на высоком каблуке и кожаный плащ подтвердили пророчество ее учителя, пока она шла по главной улице Дублина с таким видом, словно ей было на все наплевать. Бриллиантовое кольцо сверкало на ее пальце, как гигантский трофей, а волосы были идеально уложены.

Тара нырнула в дверной проем магазина, испугавшись, что Мона увидит ее, остановится и начнет задавать наводящие вопросы, от которых она краснела до корней волос и хотела провалиться сквозь землю. Вопросы, напоминающие Таре о том, почему ей так стыдно за прошлое, которое она старалась забыть. Но на самом деле прошлое не забывается. Оно преследует тебя как призрак, готовый наброситься, когда ты меньше всего этого ждешь. Оно возвращается бессонными ночами и скрывается за якобы невинными вопросами, которые задают люди. Не поэтому ли Тара согласилась на безопасную, хорошо оплачиваемую работу в доме богача на окраине города, где ее никто не знает?

Ей стало любопытно, не ослепила ли ее радость от получения такой удобной работы на человека, который решил, будто он имеет право говорить с ней, как с ничтожеством, только потому, что у него дурное настроение.

Тара перестала взбивать смесь в медной миске. Внезапно ей стало все равно, что съест на ужин Лукас Конвей. Ей пора подумать о себе.

– Тогда, может быть, тебе стоит найти того, кто знает свое место? – заявила она.

Лукас отвернулся от кофемашины, выражение его лица стало слегка озадаченным.

– Что-что?

Она покачала головой:

– Слишком поздно извиняться, Лукас.

– Я не собираюсь извиняться, – выдохнул он. – Я стараюсь понять, о чем ты, черт побери, говоришь!

Теперь он говорит с ней так, будто она двух слов связать не может!

– Я говорю о понимании своего места, – негодуя, повторила Тара и почувствовала, как ей становится легче. – Я пыталась быть доброй с Шарлоттой, потому что она плакала. И потому, что я потратила несколько месяцев своей жизни, отстирывая ее помаду с твоих наволочек. Поэтому она для меня не совсем посторонний человек. А однажды я нашла одну из ее бриллиантовых сережек-гвоздиков, которая застряла в половице столовой, и Шарлотта подарила мне большой красивый букет цветов в качестве благодарности. Что мне оставалось делать, когда она пришла сюда сегодня вся в слезах? – Она свирепо уставилась на него. – Надо было ее прогнать?

– Тара...

– По-твоему, она была в нормальном состоянии, чтобы вести машину?

– Тара, мне кажется, я чего-то не понимаю. – Лукас поставил свою нетронутую кофейную чашку на стол и посмотрел на Тару со странным выражением лица. – Что вдруг на тебя нашло?

Тара по-прежнему не понимала, что с ней. Связано ли это с пренебрежительным взглядом босса, которым он одарил ее непослушные волосы, войдя на кухню? Как будто она была не женщина вовсе, а робот, предназначенный для приготовления пищи и уборки. Ей стало интересно, посмотрел бы он так же на Мону О'Салливан, если бы та готовила ему сырное суфле, стоя на кухне в туфлях на шпильках и облегающем платье.

«Но ты же нарочно одеваешься как чувырла, – напомнил ей тихий голос разума. – Ты всегда так делала. Тебя учили, что самый безопасный способ быть среди мужчин – выглядеть невидимкой, и ты хорошо усвоила этот урок. Так чего же ты ждешь?»

– Я решила сменить вид деятельности, – твердо сказала она.

– О чем ты говоришь?

Тара колебалась. Лукас Конвей, возможно, бывал невыносимым, но он наверняка дал бы ей отличную рекомендацию, поскольку она работала на него с восемнадцати лет – с тех пор, как приехала в большой город.

– О новой работе, – уточнила она.

Он прищурил свои потрясающие зеленые глаза:

– Новая работа?

– Верно. – Ей было приятно видеть, что обычно невозмутимый миллиардер сбит с толку. – Я работала на тебя почти шесть лет, Лукас, – холодно сообщила она ему. – Ты думаешь, я буду готовить и убирать для тебя, пока ты не выйдешь на пенсию?

Судя по тому, как он нахмурился, он с явным трудом представлял себе свой выход на пенсию. Да и сама Тара не могла вообразить, что этот важный человек когда-нибудь перестанет работать.

– Я не должен был грубить тебе, – медленно сказал он. – Считаю, что я извинился.

– Нет, не стоит делать мне одолжение. Мне пора искать новую работу.

Лукас покачал головой и мило, но решительно улыбнулся:

– Тебе нельзя этого делать.

Тара замерла. Прошло много времени с тех пор, как кто-то говорил ей нечто подобное.

«Тебе нельзя этого делать, Тара».

Эти слова она слышала все свое детство.

Она была козлом отпущения – отвечала за грехи своей матери и бабушки. От нее ждали, что она кивнет и опустит голову, чтобы никого не волновать. Будет послушной, трудолюбивой и сделает все, что ей скажут. Станет избегать мальчиков, потому что они приносят одни неприятности.

И Тара хорошо усвоила эти уроки. У нее ни разу не было отношений с мужчинами. Приехав в Дублин, она сходила на несколько неудачных свиданий, устроенных ее подругой Стеллой. Тара изо всех сил старалась забыть пару встреч с одним из сельхозрабочих накануне своего отъезда в большой город, где она получила первую работу. Агентство по найму предупредило ее, что Лукасу Конвею трудно угодить, и она, вероятно, не протянет дольше месяца, но Тара доказала обратное. Она зарабатывала больше денег, чем могла себе представить, просто поддерживая дом Лукаса в чистоте, глядя его рубашки и подавая ему горячую еду, если он не разъезжал по миру.

Начав работать, она надела в то первое утро халат из синтетики и, если не считать ежегодных отпусков за рубежом, не покидала прекрасный дом в Далки. Тара нахмурилась. Ей было невдомек, почему Лукас живет один в таком большом доме. Жениться он вроде бы не собирался. Тара видела, как Лукас ужаснулся, когда однажды к нему приехал его друг Финн Делани со своей женой Кэтрин и новорожденным ребенком.

– Ты не помешаешь мне уйти, Лукас, – с вызовом ответила она. – Я отработаю на тебя еще месяц, а потом ты найдешь мне замену. Это не проблема. Люди выстроятся в очередь вокруг квартала, чтобы получить возможность работать на тебя.

Лукас посмотрел на Тару и приказал себе просто отпустить ее, потому что она права. На вакансию, которую он выставлял в последний раз, были десятки претенденток. За годы, которые Тара работала на него, ничего особенно не изменилось, если не считать того, что он разбогател и мог с легкостью нанять целый батальон прислуги при необходимости.

Но эта молодая рыжеволосая девушка из деревни не просто поддерживала порядок в доме. Она не избегала тяжелой работы, и однажды он спросил ее, зачем она встает на четвереньки, моя пол на кухне, если есть швабра.

– Швабра не проникает в дальние уголки и щели, – ответила Тара, глядя на него так, словно он не понимал элементарных вещей.

Он нахмурился. Она не только хорошо справлялась со своей работой, но и была надежной. Никто не умел отглаживать белье так, как это делала Тара Фицпатрик. Правда, иногда она слишком много болтала, но с другой стороны, она редко выходила из дома и всегда была готова помочь Лукасу. Если он просил ее приготовить ужин для гостей, она с радостью соглашалась. Ее кулинарные навыки значительно улучшились с тех пор, как он организовал для нее обучение на курсе элитной кулинарии. А главное, он знал, Тара никогда не сплетничала о нем.

Он не хотел, чтобы она уходила.

Особенно сейчас.

Его сердце громко стучало.

Не сейчас, когда ему следует поехать в Штаты, чтобы разобраться с прошлым. С ним связался адвокат, намекая на нечто необычное, что наводило на Лукаса страх. Этой поездки ему не избежать, как бы он ни старался. Адвокат был настойчивым. Лукас сглотнул. Он принципиально не ездил в Нью-Йорк много лет – там было слишком много воспоминаний. Горьких воспоминаний.

Лукас скользнул взглядом по старомодным джинсам, которые Тара носила под рабочим халатом. Мешковатые и короткие, они больше подходили для работы на ферме. Неудивительно, что она ни с кем не встречалась, пока работала на него. И разве это не причина, по которой Лукас считает Тару надежной?

Подумав о том, сколько денег потребуется, чтобы заставить ее передумать, он нахмурился. В этом отношении Тара не похожа на тех женщин, с которыми он имел дело. Она не питает особой страсти к дорогой одежде и другим вещам. Она не носит украшения, и, насколько он знает, она наверняка откладывает большую часть зарплаты, поскольку он не замечал явных признаков заметных трат, если не считать подержанного велосипеда, который она купила через две недели после того, как приехала сюда. Тот велосипед, у которого очень громкий и раздражающий звонок.

Лукас не особо разбирался в человеческой психологии, но это не означало, что он не понимает людей. Эта женщина, которая не слишком интересуется деньгами, вряд ли передумает, если он повысит ей зарплату.

И тут у него возникла идея – такая смелая и блестящая, что он задался вопросом, отчего она раньше не пришла ему в голову. Торжествуя, он слегка улыбнулся.

– Прежде чем ты решишь уехать, Тара, – сказал он, – я предлагаю обсудить пару альтернативных вариантов твоего будущего.

– О чем ты говоришь? – с подозрением спросила она. – Какие варианты?

Он медленно растянул губы в улыбке, его глаза повеселели. Такую улыбку он использовал, когда был полон решимости что-то получить. Женщины иногда называли его улыбку убийственной.

– Не здесь и не сейчас, пока ты работаешь. – Он махнул рукой на медные кастрюли, которые она так старательно начищала до блеска. – Давай сегодня поужинаем вместе и поговорим об этом в приятной обстановке?

– Ужин? – переспросила она с испугом. Казалось, он предложил им обоим потанцевать обнаженными в парке Феникс. – Ты хочешь поужинать со мной?

– Почему нет? – мягко спросил он. – Тебе надо питаться, и мне тоже.

Тара взглянула на оседающую смесь в ее миске:

– Но мне надо приготовить сырное суфле.

– Забудь о суфле, – проворчал он. – Пойдем в ресторан. Выбери ресторан сама и забронируй столик на половину восьмого.

Тара моргала и недоверчиво смотрела на него, светлые ресницы распахнулись, открывая ее янтарные глаза. Наконец она с неохотой кивнула, и Лукас счел это оскорблением. С каких это пор женщина так долго размышляет: поужинать с ним или нет?

– Ладно, – осторожно сказала она с таким видом, будто прокладывала себе дорогу в темноте. – В самом деле, почему бы и нет.

Глава 2

Ветерок над рекой Лиффи не избавлял от вечерней духоты. Лукас хмурился, идя с Тарой по причалу, не в силах поверить тому, где находится. Попросив Тару выбрать ресторан, он решил, что она сразу же позвонит в один из множества прекрасных ресторанов Дублина. Он представил себе ярко освещенное здание на одной из красивейших улиц со швейцарами у двери. Но вместо этого он направлялся к уродливому дому у темной реки.

– Что это за место? – спросил он наконец, когда они остановились под красно-белой табличкой и Тара протянула руку, чтобы открыть дверь.

– Это ресторан. Польский ресторан, – прибавила она, оправдываясь. – Ты сказал мне выбрать что-нибудь, и я выбрала.

Лукасу хотелось спросить, почему она сделала такой выбор, но тут звякнул металлический колокольчик на двери, возвещая об их приходе. Ресторан был заполнен в основном молодежью. Женщина с румяными щеками, в белом фартуке, взвизгнула от волнения, потом подошла и обняла Тару, словно давно потерянную дочь. Через пару минут общения Лукас услышал, как Тара прошептала:

– Мой босс...

Мужчина за стойкой перестал наливать пенистое золотистое пиво и пронзил Лукаса взглядом – подозрительным и почти вызывающим.

Лукасу захотелось уйти тем же путем, каким он пришел, но он проголодался. Их провели к старому столику, покрытому красно-белой клетчатой скатертью, на котором стояла оплывшая свеча, засунутая в горлышко пустой винной бутылки.

Лукас дождался, пока они усядутся за стол, потом наклонился к Таре.

– Почему из всех ресторанов Дублина ты предпочла именно этот? – тихо спросил он.

– Потому что Мария и ее муж были очень добры ко мне, когда я приехала в город и мало кого здесь знала. И мне здесь нравится. Мы на берегу реки, где кипит жизнь и красочный пейзаж. К тому же тут дешево.

– Но за ужин плачу я, Тара, – тихо возразил он. – И бюджет не ограничен, ты об этом знаешь.

Тара поджала губы. Ей хотелось, чтобы безумно богатый Лукас Конвей поужинал в ресторане, расплачиваясь в котором не пришлось бы повторно закладывать свой дом. Она могла бы сказать ему, что побоялась выбрать одно из тех заведений, которые он обычно посещал, потому что у нее просто не было подходящей одежды или уверенности в себе. Она чувствовала бы себя не на своем месте в таком престижном заведении. Она улыбнулась и повесила сумочку на спинку стула, все еще не веря, что пришла в ресторан со своим боссом.

Лукас обратил на себя внимание всех посетителей ресторана, как только вошел, благодаря своей поразительной внешности и мощной энергии, говорящей о его богатстве и привилегиях.

Тара тряхнула головой, сегодня она оставила волосы распущенными. И поняла, что на этот раз Лукас смотрит на нее как на человека, а не на робота. По иронии судьбы это произошло только потому, что она собралась уволиться, а он пригласил ее на ужин. Интересно, что он чувствует, сидя с ней в таком ресторане? И будет ли он шокирован, как она, обнаружив, что сегодня она впервые не может противостоять его чарам?

Почему после почти шести лет работы на Лукаса, когда она чаще всего на него злилась, ее вдруг потянуло к нему? Она гордилась тем, что не похожа на всех тех женщин, которые смотрят на него с вожделением всякий раз, когда он попадает в поле их зрения. Наверное, это потому, что у него было очень мало секретов от нее. Она стирала его белье. Она даже гладила его трусы и всегда делала это с неподдельной беспристрастностью. Дома она с легкостью держала с ним дистанцию, потому что высокомерные миллиардеры были намного выше

ее по положению. Но сегодня Лукас казался ей восхитительно и угрожающе доступным. Неужели это потому, что они сидят друг напротив друга за маленьким столиком, и она замечает в нем то, чего обычно не замечала?

Например, его тело. Замечала ли она когда-нибудь, как широки его плечи? Вряд ли. При виде двух расстегнутых пуговиц на его джинсовой рубашке Тара не покрывалась мурашками прежде. Она сглотнула. В пламени свечей его оливковая кожа сияла, как темное золото, а на высокие скулы и красивые резковатые черты его лица падали чарующие тени. Она чувствовала, как у нее пересыхает в горле и сжимается грудь. И ей показалось, будто сегодня вечером у них настоящее свидание.

Лукас был полон решимости поужинать с ней, и спорить с ним было бесполезно.

Она догадалась, что он предложит ей повышение зарплаты, чтобы заставить ее остаться. Вероятно, он подумал, что она опрометчиво собралась уехать, что отчасти было правдой. Но пока Тара собиралась на ужин, надевая недавно купленное уцененное платье красивого бледно-голубого цвета, которое было великовато ей в груди, она решила, что не позволит Лукасу ее переубедить. А его покровительственное отношение к ней стало толчком, который вывел ее из зоны комфорта. Ей надо бросить работу на Лукаса Конвея и заняться чем-то другим. Чтобы выбраться из колеи, в которой она оказалась, хотя эта колея казалась очень удобной. Нельзя позволять прошлому заставить ее бояться чего-то еще. Неужели она рискнет дожить до конца своих дней, когда поймет наконец, что совсем не жила? Что она просто прислуживала и исполняла свой долг?

- Чего бы ты хотел выпить? - спросила она. - Здесь подают очень хорошую водку.

- Водка? - переспросил он.

- Почему нет? Это традиция. Я выпиваю рюмочку перед ужином, а потом переключаюсь на воду. Ты же не за рулем. - Водитель Лукаса ждал его на ближайшей парковке, сидя в огромном сияющем лимузине.

- Ладно, Тара, ты меня уговорила, - глухо ответил он. - Пусть будет водка.

Перед ними поставили две маленькие рюмки с водкой. Тара подняла свою рюмку, наблюдая, как напиток мерцает в пламени свечи, потом поднесла ее к губам.

- Будем здоровы! - объявила она и залпом осушила рюмку.

Лукас улыбнулся и выпил свою порцию.

- Что скажешь? - спросила она, ее глаза сияли.

- Думаю, одной рюмки вполне достаточно, - сказал он. - Поскольку ты, судя по всему, много знаешь о польских обычаях, выбери нам еду.

Лукас наблюдал, как она просматривает меню. Похоже, ей нравилось демонстрировать свою осведомленность, а он понимал: ему выгодно, чтобы она была в приподнятом настроении. Он хотел, чтобы она стала как можно сговорчивее, и поэтому съел ярко-красный свекольный суп, который оказался на удивление хорош. Когда подали горячее блюдо, он съел половину и отложил вилку.

- Тебе нравится? - с тревогой спросила она.

Он пожал плечами:

- Это необычно. Я ни разу не ел голубцы.

- И полагаю, ты не стал бы их заказывать. - В мерцающем пламени свечи ее веснушчатое лицо казалось задумчивым. - На самом деле это крестьянская еда. А у тебя, наверное, было только самое лучшее.

Самое лучшее? Лукас с трудом сдержал горький смех, глядя в ее янтарные глаза. Забавно, какие предположения о нем строят люди. Он, конечно, пробовал большинство самых причудливых блюд мира: белую жемчужную икру из Каспийского моря, грибы мацутаке из Японии, дорогую утку в одном из известнейших ресторанов Парижа. Во время одной из деловых поездок в Швецию ему предложили редкий и дорогой сыр из лосиного молока. Даже в его престижной школе-интернате еда была хорошей. Но он вдруг понял: лучшие

блюда, которые он когда-либо ел, готовила Тара.

Вот почему он сейчас здесь.

Это единственная причина находиться в этом ресторане.

Так почему же он думает совсем о другом? Хорошо, что он выпил только одну рюмку водки.

Лукас уставился на Тару. Как ни странно, она оставила свои волосы распущенными, и они падали на ее узкие плечи. В пламени свечей ее непослушные кудри напоминали ярко-оранжевые спиральки. Сегодня вечером она казалась особенно хрупкой и женственной, чего он не замечал за ней прежде. Наверное, это потому, что она надела платье вместо привычных джинсов или легинсов. Платье, конечно, так себе, но все равно – это платье. Бледно-голубое, очень простого покроя, оно подчеркивает ее стройную фигуру. На ее изогнутой шее виднелась золотистая россыпь веснушек; он посмотрел на ее маленькую грудь и задался вопросом, какие у нее соски. Капельки пота выступили у него на лбу, и он уже не в первый раз пожелал, чтобы грянула буря. Или чтобы в этом проклятом ресторане лучше работал кондиционер. Он с трудом заставил себя сосредоточиться на деле и отпил воды, желая избавиться от внезапной сухости в горле.

– Дело в том, – медленно произнес он, ставя стакан и откидываясь на стуле, – что я не хочу, чтобы ты уходила.

– Мне приятно, и это очень мило с твоей стороны, но...

– Нет, подожди. – Он прервал ее с привычным нетерпением. – Послушай, что я предлагаю.

Она положила вилку, посмотрела на Лукаса и нахмурилась.

– Нельзя потратить больше денег на проблему и надеяться, что она исчезнет, – сказала она.

– Значит, у нас проблема, Тара?

– Мне не следовало говорить это тебе. Вообще, это не имеет к тебе отношения. –
Девушка помедлила. – Мне нужны перемены, вот и все.

– А я и предлагаю тебе перемены.

Ее янтарные глаза потемнели от подозрения.

– Что ты имеешь в виду?

Лукас снова отпил воды.

– Я собираюсь на время уехать из Дублина, потому что мне нужно быть в
Штатах.

– По делу?

– Отчасти, – уклончиво ответил он. – Я подумываю вложить деньги в
недвижимость в США. Мне нужны вложения, по крайней мере, так мне советуют
мои финансовые консультанты.

– Это связано с тем письмом, не так ли? – с любопытством спросила она.

Лукас замер:

– Какое письмо ты имеешь в виду?

Она торопливо ответила:

– То, которое пришло из Америки на прошлой неделе.

Лукасу стало интересно, заметила ли она тогда его реакцию на письмо. Видела
ли его потрясение? Он вдруг подумал, что Тара многое узнала о нем за
прошедшие годы, молчаливо наблюдая за происходящим. Разве это не еще одна
причина держать Тару при себе? Если он приведет в свой дом незнакомца, то
ему придется привыкать к нему и учиться доверять, а этого лучше не допускать,
потому что Лукас никому не верил. Он стиснул зубы.

– Я планирую жить там как минимум полгода и собираюсь арендовать квартиру, потому что мне не хочется так долго обитать в отеле. – Он медленно растянул губы в улыбке. – А теперь разговор о тебе, Тара.

– О чем ты? – безучастно спросила она.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Нью-Йорк. – Пауза. – Поработай там моей домработницей, я увеличу тебе зарплату.

– Ты и сейчас очень щедро мне платишь, – ответила она.

Он покачал головой с легким нетерпением. Кто в здравом уме будет говорить нечто подобное своему работодателю?

– Там жизнь дороже, – сказал он. – Ты окажешься в совершенно новом городе. Это будет беспроигрышный вариант для нас обоих, Тара.

Он полагал, что она разволнуется и поблагодарит его, но в ее слегка прикрытых глазах читалась подозрительность. Он вдруг уставился на изящный изгиб ее губ, которого раньше не замечал. Ну, прежде он никогда не сидел к ней так близко, верно? Настолько близко, чтобы уловить слабый ее запах, не похожий ни на один знакомый ему аромат. Он только сейчас увидел, что у нее безупречная фарфоровая кожа, если не считать нескольких веснушек на вздернутом носике. Он тряхнул головой, озадачившись своим наблюдением и необъяснимым волнением.

– Нью-Йорк, – медленно произнесла она.

– Ты сказала, что хочешь перемен. Что может быть лучше переезда из Дублина на шумный Манхэттен? Разве ты не ездила туда на прошлое Рождество?

Тара кивнула.

– Ты хорошо провела там время? – спросил он.

Тара снова кивнула. Накопив денег, она поехала туда со своей подругой Стеллой, которая работала няней в соседнем Дан-Лаогере, и они вместе провели

отпуск в Нью-Йорке. Прогулки под снегопадом и походы по магазинам были омрачены только тем, что Тара упала на катке у Рокфеллеровского центра и разбила колени.

- Мы очень хорошо провели время.

- Что мешает тебе согласиться с моим предложением? - спросил он.

Тара прикусила внутреннюю сторону губы, напоминая себе, что она собиралась уйти от Лукаса, а не оставаться с ним. Ей надо избавиться от влияния властного мужчины, который эгоистично преследует собственные интересы. Он определенно не думает о том, что лучше для нее в данный момент. Только о том, что лучше для него.

И все же...

Она обвела кончиком пальца матовый край своего стакана с водой. Если она посмотрит на ситуацию объективно, то поймет, что для нее это лучший из возможных вариантов. Поездка в восхитительный город, с которым она уже знакома, где ей гарантированно дадут работу... Разве Америка не подарит ей вдохновение, чтобы она изменила свою жизнь?

Однако Тара не торопилась соглашаться, потому что сегодня вечером между ней и Лукасом что-то изменилось. Из-за неопытности она не понимала, что это такое. Она определенно не предполагала, как забьется ее сердце, когда она посмотрит в великолепные зеленые глаза Лукаса, не говоря уже о том, что ее тело поведет себя странным образом. Ее соски напряглись, она пережила непривычные, восхитительно сладкие ощущения. Она испытывала странное беспокойство, которого не чувствовала прежде, и прилагала массу усилий, чтобы не гадать, каково это - целоваться с Лукасом.

Находясь в псевдо-интимной обстановке ресторана при свечах, она пожалела, что не выбрала более освещенное место. Наверное, она зря надела платье и уложила волосы, словно собираясь на настоящее свидание с Лукасом. Теперь она чувствовала себя почти уязвимой - она словно потеряла защитный барьер, который окружал ее, пока она работала в его доме.

Он по-прежнему разглядывал ее с нетерпеливым вопросом в глазах. О, да, этот мужчина не привык ждать.

- Ну? - произнес он.

- Мне нужно время, чтобы подумать, - сказала она.

Лукас удивился, и Тара догадалась: большинство женщин сразу согласились бы сопровождать своего босса-миллиардера в заграничной поездке, где им предлагали повышение заработной платы.

- Сколько времени тебе нужно? - спросил он.

Тара прикусила губу, размышляя, не посоветоваться ли ей со своей подругой Стеллой. Ей определенно больше не с кем советоваться. Она была такой маленькой, когда умерла мать, что почти не помнила ее. А бабушка Тары скончалась незадолго до того, как она стала работать на Лукаса.

- Несколько дней. - Она слегка пожала плечами. - Может быть, ты передумаешь за это время?

- Если ты и дальше будешь увивать, то, скорее всего, я передумаю, - ответил он, не скрывая недовольство. - Давай попросим счет и уйдем отсюда.

- Хорошо. - Она встала. - Но сначала мне надо сходить в дамскую комнату.

Все еще не в силах поверить, что Тара не ухватилась за его предложение о работе, Лукас смотрел, как она идет по ресторану. Его заворожила изящная линия ее икр и тонкие лодыжки. Внезапно он понял, почему мужчины Викторианской эпохи считали их такими возбуждающими.

Он приказал себе отвернуться, но почему-то не смог этого сделать. Со спины Тара Фицпатрик казалась самым красивым существом, которое он видел; непослушные рыжие кудри рассыпались по ее плечам. Что, черт побери, с ним происходит?! Неужели внезапное появление Шарлотты в его доме сегодня днем напомнило о том, как давно он не занимался сексом? Он вспомнил, как они расстались, когда она ему наскучила. Несмотря на неоспоримую красоту и

сексуальность этой актрисы, иногда ему казалось, что он занимается любовью с манекеном.

Нетерпеливо тряхнув головой, он взглянул на свой мобильный телефон, чтобы узнать, как обстоят дела на финансовых рынках, но ему не удалось сосредоточиться. Он поднял глаза, когда Тара вернулась. Вероятно, она пыталась причесать огненные кудри, потому что они выглядели немного аккуратнее. Она смотрела на него яркими глазами, и при виде ее юношеского энтузиазма его сердце сжалось. Он покачал головой, сбитый с толку и немного обиженный, потому что сегодня вечером ему не удалось простейшее дело.

- Попроси принести счет, Тара, - нетерпеливо сказал он.

Она широко улыбнулась:

- Я его оплатила.

- Ты оплатила счет? - медленно переспросил он.

- Здесь очень демократичные цены, - произнесла она. - И это меньшее, что я могу сделать, раз мы приехали сюда на твоей машине.

Выходя за Тарой из ресторана после прощания с хозяевами, которое было еще восторженнее, чем приветствие, Лукас постарался вспомнить, когда в последний раз женщина предлагала заплатить за еду. Во всяком случае, этого не случилось с тех пор, когда у него ничего не было, а богачки обнюхивали его, как собаки, увидевшие кусок свежего мяса. Когда его заставили бросить частную школу из-за отсутствия денег - по крайней мере, так ему сказали, - гордость заставила его отказаться от подачек женщин, изголодавшихся по его мужественному телу. Он сам себя обеспечивал. Иногда ему доставались объедки после трапезы директора. Иногда он вообще обходился без еды. Тара ошиблась, предположив, что он никогда не пробовал крестьянскую пищу. При воспоминании о тех днях он стиснул зубы.

Машина плавно подъехала по набережной в их сторону.

Как только Лукас уселся рядом с Тарой на заднем сиденье, горькие воспоминания улетучились. Он испытал надежду и пьянящее желание. Раздувая ноздри, он вдохнул тонкий аромат, который больше походил на мыло, чем на духи. Слегка повернув голову, он посмотрел на ее яркие волосы, и ему внезапно захотелось погрузить в них пальцы. Она слегка касалась его ноги бедром – жест, который не имел ничего общего с провокацией, – но сейчас он казался Лукасу самым сексуальным жестом, который он видел. Он сглотнул, когда желание пронзило его, подобно пламени, и с трудом сдержался, чтобы не прикоснуться к ее ноге.

Он не мог этого сделать, потому что Тара работает на него. Она застилает ему постель и готовит еду. Гладит его рубашки и ухаживает за садом. Она – сотрудница, которая должна сопровождать его в Америку. Она не потенциальная любовница, ни в коем случае. Он уставился прямо перед собой, пытаясь успокоиться, когда загорелся красный сигнал светофора.

Сердце Тары громко колотилось, она напрягла плечи, приказывая себе успокоиться, когда мощная машина плавно поехала по городским улицам. Она только что поужинала со своим боссом – вот и все. И он только что предложил ей работу в Америке. Отличное предложение, верно? Она никогда не ездила на его машине с водителем, поэтому поездка домой в такой роскоши должна показаться ей настоящим праздником. И все же ей трудно оценить мягкую кожу сидений или невероятно мягкую подвеску автомобиля. Она думала только о том, что сегодня вечером Лукас стал другим. Из требовательного работодателя он превратился в мужчину, от которого взгляд не оторвешь. Впервые в жизни она осознала, почему он так легко кружит голову женщинам. Внезапно она поняла, почему такая красавица, как Шарлотта, готова унижаться, чтобы вернуться к Лукасу.

«Но я не хочу так себя чувствовать, – подумала Тара. – Я хочу вернуться к тому, что было раньше, когда я терпела Лукаса, а не боготворила его. Когда из-за него я приходила в ярость».

Автомобиль въехал на подъездную дорожку к дому в Далки, но вместо облегчения от того, что поездка окончена, Тара почувствовала разочарование. Не глядя, она потянулась к дверной ручке машины, но ее обычно ловкие пальцы дрожали.

– Вот так, – неожиданно весело сказал Лукас, наклонился к ее дверной ручке и нажал на кнопку.

Дверца бесшумно открылась – сработала электроника. На самом деле на дверце не было ручки. Тара решила, что выглядит неотесанной деревенщиной. Ее смущение из-за отсутствия смекалки усугублялось душераздирающим осознанием того, что рука Лукаса слегка коснулась ее руки. Тара сглотнула. Он прикоснулся к ней. Он действительно прикоснулся к ней. Возможно, Лукас этого не хотел, но его пальцы дотронулись до ее руки, и теперь место касания горело, как от ожога.

Выбравшись из машины, она с тоской посмотрела на тяжелое небо, желая, чтобы пошел дождь, который снимет ее странное напряжение. Она порылась в сумочке, чтобы выудить ключ, но ее пальцы задрожали, когда она услышала шаги у себя за спиной. Тень Лукаса нависла над ней, когда она с трудом вставляла ключ в замок.

– Ты дрожишь, Тара, – заметил он, как только она открыла дверь и вошла в дом.

– Ночь холодная, – машинально солгала она, однако Лукас не ответил ей язвительным комментарием, как обычно.

Странно, что ни один из них не торопился включить верхний свет. Когда тяжелая входная дверь захлопнулась за ними, мрак огромного коридора только усилил чувство нереальности сегодняшнего вечера.

Что-то витало в воздухе. Тара остро осознавала близость Лукаса. Он смотрел на нее сверху вниз темными блестящими глазами, а она затаила дыхание, и у нее замерло сердце. Она решила, что он обнимет и поцелует ее.

Но он этого не сделал.

Неужели она окончательно сошла с ума? Лукас щелкнул выключателем, и все вокруг залилось золотистым светом. Странная атмосфера резко пропала. Напряженно улыбаясь, он кивнул, словно ее реакция была ему отлично знакома.

– Спокойной ночи, Тара, – как-то странно сказал он.

Как только Лукас отвернулся от нее, она услышала далекий раскат грома.

Глава 3

Следующие дни Тара маялась от неуверенности. Она пыталась решить, принимать ли ей предложение о работе от Лукаса. Она обдумала все за и против. Все указывало в пользу неожиданной поездки в Америку с боссом. Потом она обратилась к своей подруге Стелле, которая сказала Таре, что она сгруппит, если не воспользуется шансом присоединиться к Лукасу в Нью-Йорке.

– Почему бы тебе не поехать? – спросила Стелла, складывая одно из маленьких платьев девочек-близняшек, за которыми она ухаживала. – Тебе понравился Нью-Йорк, когда мы были там в прошлое Рождество. Если не считать происшествия на катке, конечно, – быстро прибавила она. – Тому человеку следовало смотреть, куда он едет. Почему ты колеблешься?

Тара не ответила. Она решила, как будет глупо признаться, что между ней и Лукасом что-то изменилось и в тот вечер между ними расцвело нечто невысказанное и сексуальное. А может, она заблуждается. Разве будет самый сексуальный миллиардер Дублина интересоваться такой, как она?

Отношения с Лукасом Конвеем стали другими. Оба чувствовали себя неловко. Затуманенный взгляд Лукаса наутро, когда она принесла ему завтрак после того сумасшедшего ужина, заставил ее задуматься: неужели Лукас тоже провел бессонную ночь? Он мельком взглянул на нее, когда она дрожащими руками поставила кофейник на стол, а потом объявил, что вылетает в Берлин этим утром и вернется через пару дней. И ей следует дать ему ответ насчет поездки в Америку к моменту его возвращения.

– Да, конечно, – сухо ответила она, недоумевая, почему с трудом волочит ноги.

Она снова и снова репетировала свой отказ.

«Твое предложение очень заманчивое, Лукас, но мне придется отказаться».

Почему?

Потому что она хочет его.

Странное признание от человека, у которого совсем нет сексуального опыта.

Но легче откладывать решение, пока Лукаса нет рядом. Поэтому Тара просто работала, а когда не работала, делала то же самое, что и всегда в отсутствие Лукаса. Она плавала в его бассейне в подвале и готовила сад к зиме. Она испекла кексы для местного благотворительного утренника с кофе и гуляла в парке Феникс со Стеллой и ее юными подопечными. Она прослушала голосовое сообщение от Лукаса, который говорил, что вернется поздно вечером в четверг и ей не надо готовить ему ужин.

Погода была отвратительной. Воздух был таким тяжелым и липким, что, казалось, невозможно дышать. Пот струился по затылку Тары, хотя она уложила пышные кудри в пучок. Что бы они ни делала, легче ей не становилось.

В четверг вечером она помыла голову и легла спать, прислушиваясь к голосу шофера Лукаса, который поехал забирать его из аэропорта. Было не слишком поздно, но после нескольких дней бессонницы Тара сразу же погрузилась в глубокий сон, от которого ее разбудило оглушительное гроыхание. Резко сев в кровати, она попыталась сориентироваться. Увидев в окне яркую вспышку молнии, она поняла, что происходит. Начался долгожданный шторм, надвигавшийся несколько дней. Отлично. По крайней мере, теперь будет легче дышать.

Еще одна вспышка молнии осветила ее спальню. Таре показалось, что она смотрит старомодный фильм ужасов, потому что почти сразу раскат грома эхом разнесся по большому дому. Грохотало над самой крышей, за окном начался ливень. Он был такой громкий, ритмичный и успокаивающий, что Тара опустила на подушки и лежала с широко открытыми глазами. Потом она услышала еще один треск, но не от грома, и напряглась. На этот раз шум напоминал звук бьющегося стекла.

Она быстро встала с постели, ее сердце часто колотилось, а пальцы босых ног впились в пол. А вдруг это грабитель? Дом Лукаса большой, он находится в богатом районе. Разве воры не выбирают тактику внезапности для проникновения? Что может быть лучше проникновения в дом во время жуткой грозы?

Натянув халат, она туго завязала пояс на талии и подумала, не надо ли ей пойти и разбудить Лукаса. Конечно, нужно его разбудить, если он уже вернулся и лег спать. Но она боялась постучаться в дверь его спальни, чего не случилось с ней прежде – пока она не поужинала с Лукасом. Прежде – в те непринужденные и невинные времена – она не фантазировала о нем, а сейчас пребывала в тревожном возбуждении, гадая, в каком виде обнаружит Лукаса. Она знала, что он не надел пижаму, потому что она ее постирала. И в этом проблема. Она вроде бы многое знает о Лукасе, но, по сути, не знает его совсем.

Тара тихонько открыла дверь своей спальни и медленно пошла по коридору, у нее гудело в голове. По крайней мере, она решила, как ответит на его предложение о работе. Она ни за что не поедет с Лукасом в Америку сейчас, по-глупому мечтая о нем.

Наклонив голову, Тара прислушалась. Был ли это скрип шагов на лестничной клетке, или ей показалось? Трудно разобрать, что это за звук, когда за окном барабанит дождь. Посмотрев поверх перил, она увидела свет в комнате Лукаса, расположенной этажом ниже, и стала красться вниз.

Тара как раз подошла к его двери, когда наверху лестницы появилась фигура. Она чуть не умерла от страха, поняв, что на Лукасе только выцветшие джинсы с расстегнутым поясом. Судя по всему, он только что их надел. Его грудь была обнажена. Сердце Тары екнуло. Глядя на его восхитительный пресс и мощные плечи, она вдруг пришла в ярость. Вместо того, чтобы расследовать ночное происшествие, она пялится на своего полуобнаженного босса, словно изголодавшаяся женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/sheron-kendrik/zhit-lish-toboy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)